

У УШБЫ НА РОГАХ

Новичков учат: «Перевальных ночёвок следует избегать». Места под палатки мало, вода встречается не всегда, кругом скалы, снег и ветер. Но иногда перевалы — единственный способ «не схватить холодную», то есть не спать прямо на склоне

Текст: Женя Бакин
Фото: Влад Будрик,
Татьяна Вилимович

Что налево, что направо —
300 метров вниз по льду

«Верёвка свободна!» — «Понял!»

То ли из-за непостоянства погоды, то ли за суровый вид гору Ушбу называют «ведьмой». Два скальных рога, покрытых снегом, круто задирающих пики в небо, далеко видны над хребтами Кавказа. Её высота — 4 690 метров, подъём из лагеря и спуск до палаток занимает не менее 10 часов, а к самой вершине ведёт «нож» — острый гребень из снега и льда. Шёл пятый день похода, и мы идём на Ушбу после того, как два дня просидели в палатках из-за низкой облачности и густого тумана. Снег достаточно плотный, поэтому в трещины мы не проваливаемся, но ноги всё же вязнут, и «кошки» (металлические платформы с шипами, которые надевают, чтобы не скользить по льду) цепляются за верёвки, которыми мы связаны по двое.

И вот первая серьёзная техническая работа за день: забитый снегом бергшунд (он же «берг» — разрыв в леднике, как правило, поперёк линии движения льда, с перепадом высоты и зачастую с трещиной), выходящий к нам застывшей стенкой, и над ним крутая ледовая горка длиной в 50 метров. Лидер Дима Зеленцов с двумя ледовыми инструментами лезет без рюкзака, звеня навешанным на него «железом», топает по льду, чтобы зубья «кошек» намертво входили в лёд. Поднимается резко, рывками в дюжину метров, после каждого вкручивая ледобур и вщёл-

кивая верёвку, которая, как пуповина, ведёт от него к группе. Склон всего-то в «полтинник», да ноги-руки дрожат от напряжения, вниз смотреть не хочется, потому что с высоты все 600 метров подъёма как на ладони, и уж если покатишься вниз — пусть и зависнешь на веревке — то кувыркаться будешь как белка в колесе. К тому же левее от нас то и дело с характерным шуршащим свистом бытового вентилятора пролетают камни, к середине дня вытאיивающие из ночного крепкого льда.

лезли без рюкзаков, осторожничали и выбирали путь. Кроме того, погода совсем испортилась и пошёл дождь. Когда спустя четыре часа «разведчики» вернулись, их ждал уютный лагерь: с палаткой, вкопанной на метр в снег, горячим обедом и четырьмя товарищами, радующимися, что никого не зашибло камнем. Двойной не хотел нас отпускать и силой оставил на ночлег.

ПЕРЕВАЛ ВУЛЛЕЯ

Утро перевального дня сулило сносный день: небо в облаках, по низам поддува-

и преград до самого верха особых нет, а перевала не видно. Нет его. Исчез. Мы дружно звали лошадку и шутиливо оглядывались, ожидая нашествия орков из «Властелина колец», но дождались лишь мокрого холодного снега и грозы. Воздух настолько наэлектризовался, что в руках мелкими разрядами затрещали ледорубы, а видео на камере стало прыгать. Добравшись до седловины, мы свалили на возвышении все ледорубы, «кошки», карабины, крюки, а сами спрятались в низинке под тентом, надеясь, что «железо» оттянет удар молнии и мы останемся целы. Мокрый снег шёл с перерывами несколько часов, загнав нас в палатки и заставив отложить планы на спуск. В непогоду досуг нуден, словно старая жвачка — дремота, сырость, ленивые разговоры, холодные руки да игра в карты.

К четырём часам дня ветер разнёс тучи, солнце просовывало послеобеденные лучи в прорехи облаков, но было понятно, что никуда с места уже не тронуться и ночевать предстоит на перевале. Вечер на «Вуллее» был самым живописным в нашем путешествии. Контрастируя с тёмной пилообразной твердью гор, в небе играли краски мастеров Высокого Возрождения, на чистый свежевывавший снег невозможно было смотреть без очков — искрило в глазах, открылся Эльбрус, большим бледным осьминогом распластавший вдалеке свои отроги, а ма-

Мы ожидали орков из «Властелина колец», но дождались лишь снега и грозы. Ледорубы в руках затрещали мелкими разрядами

ПЕРЕВАЛ ДВОЙНОЙ

Двойной стал для нас местом разведки боем. Одна связка ушла провести верёвку на соседнюю вершину и рассмотреть путь вниз, но неожиданно для всех склон, по которому поднималась наша разведка, из гордой крепкой скалы превратился в кучу из «живых» камней, норовящую распасться на части. Камни вынимались руками, выбивались крючьями и чуть не на головы валились с неба, целые глыбы летели из-под ног, и это притом, что ребята

ет, но не холодно. После полудневки на камнях и солнышке, отдохнув и подсушив сырые вещи, мы готовы забежать на Вуллей и спуститься с другой стороны хребта. Седловина — вот она, на снежной горочке, под рисовой бумагой раннего утреннего неба. Но через пару часов после выхода нанесло туману, на горы сели облака и видимость упала до 10 метров. Белая мгла, лишь цветом и утренним настроением отличаясь от беззвёздной глухой ночи, заставила нас замедлить темп до черепашьего. И идти хочется, и направление известно,

Человек «наверху» выглядит чужаком...

Ледники давят неприветливой мощью, стекая с горных вершин в широкие долины

Для установки палатки зачастую необходимы почти строительные работы

Лето перезимуем и дальше пойдём

Вдали виднеется Эльбрус — самая высокая гора Европы

ленькое облачко нимбом держалось на его двойной макушке. С перевала так и подзуживало скатиться вниз по ровному гладкому склону, пересечённому несколькими сверху кажущимися пустяковыми трещинами. Если с «Двойного» мы лишь любовались Ушбой, далёкой, захребетной, неприступной и морозно красивой, то на перевале Вуллея стали Ушбу изучать: разглядывали плоские труднопроходимые «зеркала», не для нас предназначенные, удивлялись массивности подпирающих пиков, во все глаза смотрели на «нож», указывающий на саму вершину.

Нагулявшись и разведав путь спуска, сделав несколько десятков фотоснимков и ужина на пленэре с видами на Эльбрус и Ушбу, мы радовались зимнему солнечному курорту, которым обернулся для нас перевал Вуллея, хоть он задержал нас, и времени на главное восхождение оставалось всё меньше.

ПЕРЕВАЛ ЧАТ

Путь к сердцу ледопада мы начали с самого низа, от реки. Пригорки широкой долины, одинокие каменные глыбы, ручьи, пара яков, отчаянно убежавших от нас вверх по крутому гребню морены, а затем пологий ледник и неширокие трещины — всё вело в ледопад. Связанные по двое, с рюкзаками, вмещавшими еду на 10 дней, в касках и тяжёлых пластиковых ботинках, с неизменными ледорубами в руках, мы

дошли до зоны разломов, где ледник вспучивается океаническими льдинами, словно закипая. Нещадно палит солнце, подтапливая снег, сбегающий ручейками с ледяных плит. Вверх идти всё тяжелее, тем более что приходится то ждать, то догонять напарника по связке. Зачарованность происходящим — зимними глыбами льда, причудливыми разломами, нависающими карнизами — проходит, лишь только слышишь глухое «УХ». Ледник живёт: растёт, меняется, движется и разговаривает, но от таких разговоров хочется

бежать подальше, лишь бы на головы не упала белая, как соль, и торжественная, как мрамор, плита.

Ледопад остался позади, но путь пройден только наполовину: от реки мы набрали 800 метров по вертикали, и предстоит преодолеть ещё 700. День в разгаре, хочется есть, но идти дальше невозможно, потому что на пути четырёхметровая стена бергшрунда «от уха до уха». Ни пройти, ни проехать. Первая попытка залезть «влоб», напрямик, взять стену приступом оказалась неудачной — Глебыч свалился на ногу,

вырвав ледоруб из нетвёрдого полульда-полуснега, именуемого фирном, так и не сумев завинтить ледобур. Вторая попытка была более результативной: удалось продвинуться вперёд, закрутив три бура, но фирн «не держал», и, когда до края стенки оставалось всего полметра, ледоруб выскользнул. Буры под тяжестью веса вырвало из стены, стоящих внизу обдало брызгами снега, а ледолаз с криком «Срыв!» грохнулся на плотный снег.

На перевальной седловине Чата мы оказались в десять вечера. Кругом тем-

ные, целые и голодные, как черти. За нашими спинами остались гордые перевалы, холодные ледники в сетках завуалированных трещин, гнусные осыпи и камнепады, и две красивые вершины, на которые мы так и не взобрались: Ушба и Гестола. «Против лома не пойдёшь», — философски сказал руководитель о плохой погоде, сопровождавшей нас туманом, облаками, дождями и снегом все три недели. Ну и пусть спортивные амбиции так и остались нереализованными, зато нам довелось провести несколько ночей на верхотуре перевалов. **ЖЖ**

От «разговоров» ледника хочется бежать, пока на головы не упала белая, как соль, и торжественная, как мрамор, плита

нота и тишь, лишь блёклая луна подсвечивает серебриющиеся снежники и чуть слышно меланхоличное журчание ручьёв, растопленных дневным солнцем и ещё не успевших замёрзнуть. День выдался длинный: нам потребовалось 15 часов на то, чтобы преодолеть реку, пересечь ледник, поплутать среди трещин, осилить бергшрунд, подняться на 1,5 км по вертикали, а главное, побывать в сердце ледопада. Неудивительно, что после такого дня «чатиться» никому не хотелось.

В лагерь мы спустились в срок, доволь-

ЧТО ЕДЯТ В ГОРАХ?

Даже новичку понятно, что без «топлива» далеко не уйдёшь. В нашем походе в раскладку было заложено 500-550 г еды на человека на один день. Завтрак: каша (60 г крупы, сухое молоко), сыр (25 г), кофе/чай, сухари и печенье. Обед: суп с заправкой из сухих овощей (60 г на человека), чёрный сухарь, пара конфет, сало, колбаса или корейка (30 г). Ужин: крупа (70 г), сухое мясо-сублимат (25 г), сухарь, конфета или кусочек печенья, средняя луковица на четвертых и спирт (по 30 мл на тех, кто пьёт). Утром в специальный мешочек каждого путешественника кладётся КПи (карманное питание) — смесь из сухофруктов и орехов, несколько леденцов, иногда крекеры (около 100 г)

Яркие палатки легче обнаружить в случае спсработ

Горные реки разливаются к полудню из-за подтаявших ледников

3 августа — середина лета

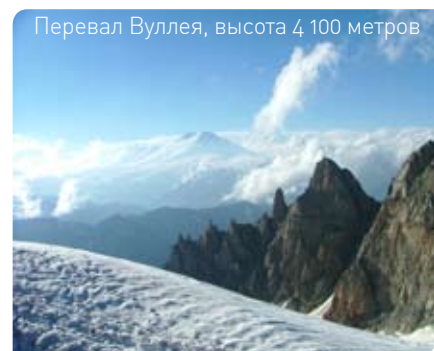
Знал бы, откуда падать, соломки бы подстелил. Только до первой травки 500 метров по вертикали

Коровы бегают на высоте 3 000 метров без всякой одышки

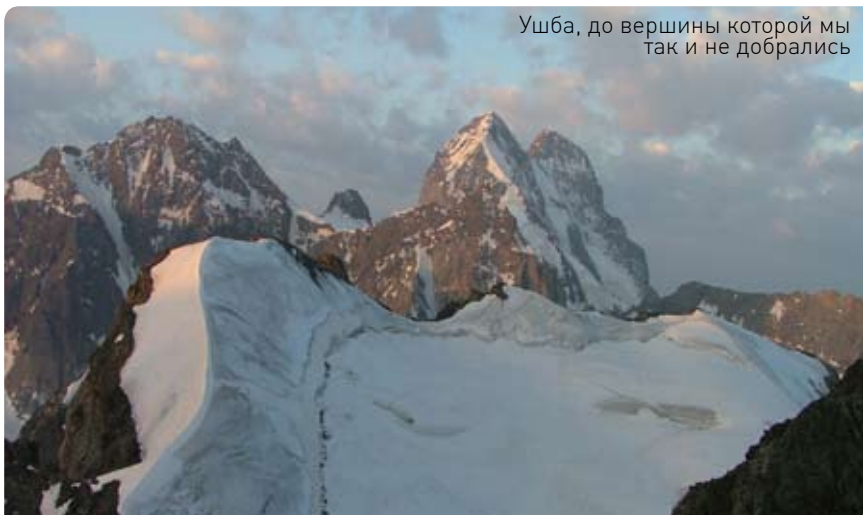
Идти приходится то по льду, то по камням. Главное, чтобы в каске!

Перевал Вулlea, высота 4 100 метров

Солнце светит прямо в глаз!

Ушба, до вершины которой мы так и не добрались

Рай высокогорного многотравия куда приятнее холода льдов